

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 186–218.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 2. P. 186–218.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-186-218

СПОР О ПАМЯТИ: ПОЭМА Е. А. ЕВТУШЕНКО «БАБИЙ ЯР» В СОВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРНО- ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ 1960-х ГОДОВ

Юрий Геваргисович Бит-Юнан

Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС),
Москва, Россия, bituynan@gmail.com

Маргарита Романовна Нагорная

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС),
Москва, Россия, mr.nagornaya@igsu.ru

Автор, ответственный за переписку: Юрий Геваргисович Бит-Юнан

Аннотация. Статья посвящена истории создания и публикации в «Литературной газете» поэмы Е. А. Евтушенко «Бабий Яр», а также развернувшейся по этому поводу полемике в советской прессе. Авторы деконструируют ряд мифов о написании и издании этого текста, а также о якобы последовавших за тем для автора и для главного редактора «Литературной газеты», В. А. Косолапова, санкциях. Также приводятся доказательства, что публикация «Бабьего Яра» соответствовала политической прагматике высшей советской администрации в условиях подготовки к XXII съезду КПСС.

Ключевые слова: Е. А. Евтушенко, В. А. Косолапов, А. Я. Марков, Д. В. Стариков, «Бабий Яр», советская пресса, советская критика, антисемитизм

Ссылка для цитирования: Бит-Юнан Ю. Г., Нагорная М. Р. Спор о памяти: поэма Е. А. Евтушенко «Бабий Яр» в советском литературно-политическом контексте 1960-х годов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 186–218. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-186-218.

Literature. Philosophy. Religion

CONTROVERSY ABOUT MEMORY:
E. EVTUSHENKO'S POEM "BABY YAR" IN THE SOVIET LITERARY
AND POLITICAL CONTEXT OF THE 1960S

Yury G. Bit-Yunan

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia, bityunan@gmail.com

Margarita R. Nagornaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia, mr.nagornaya@igsu.ru

Corresponding author: Yury G. Bit-Yunan

Abstract. The article researches the history of the creation and publication of E. Yevtushenko's poem "Baby Yar" in the "Literary Gazette" as well as the newspaper controversy soon to start off. The authors deconstruct a number of myths about the

creation and publication of “Baby Yar” as well as about the sanctions followed allegedly for the author and for V. A. Kosolapov, the “Literary Gazette” editor-in-chief. It is also proven that the publication of the poem was in accordance with the political pragmatics of the supreme Soviet administration prior to the XXII CPSU Congress.

Keywords: E. A. Evtushenko, V. A. Kosolapov, A. Ya. Markov, D. V. Starikov, “Baby Yar”, Soviet press, Soviet criticism, antisemitism

For citation: Bit-Yunan, Yu. G. and Nagornaya, M. R. (2025) “Controversy about Memory: E. Evtushenko’s Poem ‘Baby Yar’ in the Soviet Literary and Political Context of the 1960s,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(2), pp. 186–218. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-186-218.

Визитная карточка

В начале 2010-х годов американский литературовед О. Матич летела из США в Москву. Рядом с ней сидел Е. А. Евтушенко. И это была не первая их встреча [Матич, 2017, с. 400–402].

Они познакомились еще в 1980-х годах в Университете Южной Калифорнии. Затем Матич пришла на его поэтический вечер, чрезвычайно многолюдный. Кульминацией встречи было чтение «Бабьего Яра».

Они начали общаться. И даже как-то раз ужинали в тайском ресторане. Евтушенко был в воодушевлении и неустанно говорил о не угасшей со временем любви к Б. А. Ахмадулиной. При этом жестикулировал так страстно, что опрокинул стоявшую рядом с их столиком пальму.

Но время шло. Евтушенко стал забывчивым. Поэтому тогда, в самолете, Матич пришлось напомнить ему, кто она и как именно они повстречались. Он все вспомнил, оживился и начал рассказывать ей о своих знакомых — в частности о В. П. и М. А. Аксеновых. Матич иронически ответила ему: «“Значит, вы сплетник”, — сказала я в шутку». Евтушенко, однако, шутки не оценил: «Воздев руку, как в опере перед воинственной арией, и немного приподнявшись с сиденья, он громко и патетически произнес: “Вы автора ‘Бабьего Яра’ называете сплетником?”» [Матич, 2017, с. 402].

Обида была смертная. Евтушенко заявил Матич, что руки ей больше никогда не подаст, и вообще так разволновался, что одной из стюардесс пришлось его успокаивать.

Впрочем, он был отходчив. Уже следующим утром настойчиво приглашал Матич в свой дом-музей в Переделкине... и дружески жал руку.

Это воспоминание — коль скоро оно правдиво — интересно в психологическом отношении. Оно иллюстрирует и меру обидчивости Евтушенко, и меру его незлопамятности. Однако еще интереснее другое: в минуту, когда поэту предстояло защитить свою честь (на которую, впрочем, никто не покушался), он сразу напомнил собеседнику, что перед ним не кто-то, а создатель «Бабьего Яра». Будто сам факт написания этого текста уже бесспорное свидетельство высоких моральных качеств. И это притом, что библиография Евтушенко исчисляется сотнями позиций (см.: [Нехорошев, 1984, с. 347–483]).

Впрочем, у любой истории есть предыстория.

Стертая локация

Как известно, Бабий Яр до начала Великой Отечественной войны был едва ли не самым большим киевским оврагом. Протяженность — более двух километров, а максимальная глубина превышала местами пятьдесят метров, по дну протекал ручей. Для строительства место было непригодно, поэтому поблизости находились лишь кладбища.

Осенью 1941 года Киев заняли немецкие войска, и нацисты признали Бабий Яр самым удобным местом для массового уничтожения еврейского населения. Почти все мужчины призывного возраста были в армии, жертвами оказались главным образом женщины, дети, старики, жители города и области. Согласно опубликованным свидетельствам, каждую группу обреченных гнали к краю яра, расстреливали, тела сваливали на дно, присыпали слоем земли, потом убивали вновь пригнанных, заполняя послойно трупами и грунтом заранее наметенную часть оврага. Затем переходили к следующей. Оккупация продолжалась свыше двух лет, за это время убито, по разным оценкам, более ста тысяч евреев.

Разумеется, в Бабьем Яру убивали не только евреев — еще и цыган, и военнопленных, и т. д. За два года овраг был почти заполнен телами (см.: [Нахманович, 2004, с. 84–163]).

С приближением советских войск немецкое командование попыталось уничтожить следы массовых убийств. Началась эксгумация трупов, их жгли, пепел развеивали по окрестностям, однако уничтожить все следы преступления не смогли: не хватило времени и технологических средств, да и свидетелей осталось немало.

После войны расследованием преступлений в Бабьем Яре занималась Чрезвычайная государственная комиссия — ЧГК. Доклад ее был опубликован, однако в ЦК партии сочли нецелесообразным упоминание об этнической идентичности большинства жертв. В документе не оказалось слова «евреи»: речь шла о «мирных советских гражданах» (см.: [Материалы Чрезвычайной

государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, б. г.)).

Во время работы комиссии в ЦК даже рассматривался проект памятника у Бабьего Яра. Советский прозаик А. В. Кузнецов, автор так называемого романа-документа «Бабий Яр» и свидетель подготовки к расстрелу евреев в Бабьем Яре в 1941 году так характеризовал историю этого проекта:

С самой войны раздавались голоса (начал И. Эренбург), что в Бабьем Яре нужно поставить памятник. Но украинский ЦК партии, который тогда возглавлял Н. Хрущев, считал, что люди, расстрелянные в Бабьем Яре, памятника не заслуживают.

Я не раз слышал такие разговоры киевских коммунистов:

— Это в каком Бабьем Яре? Где жидов постреляли? А с чего это мы должны каким-то пархатым памятники ставить?

[Кузнецов, 1991, с. 328]

Изменение отношения к событиям, произошедшим в Бабьем Яре, равно как и стойкое отторжение публичной риторикой слова «евреи», было обусловлено контекстом. Вскоре после завершения Второй мировой войны в СССР стали одна за другой разворачиваться антисемитские кампании. Они становились все более откровенными и агрессивными — истерия нарастала с каждым месяцем. В таких условиях не могло быть и речи о признании Бабьего Яра мемориальным местом.

А вскоре в ЦК решили, что лучше бы, чтобы и самого места не было. В 1950 году в Бабьем Яре насыпали земляной вал, после чего начали заливать овраг жидкими отходами расположенных неподалеку кирпичных заводов.

В 1961 году плотину прорвало — и содержимое Бабьего Яра хлынуло в сторону поселка Куреневка. Тогда, по различным оценкам, погибло около 1500 человек. Позже случившееся назвали «Куреневской трагедией». По воспоминаниям Кузнецова, власти сделали все, чтобы об этой катастрофе не узнал никто и никогда. Не жалели ни денег, ни техники. И, конечно, на всякий случай обнесли территорию высоким забором, чтобы никто не смог сделать ни одной фотографии. И даже изменили траекторию полета самолетов — чтобы и с воздуха никто не сделал снимков (см.: [Кузнецов, 1991, с. 328–330]).

Ликвидирована в итоге была не катастрофа — исчезло несколько сегментов самого Бабьего Яра. Тогда же появилась идея построить на его месте стадион. Однако и этому начинанию не суждено было реализоваться: почва постоянно проседала.

В 1965 году СССР готовился отмечать памятную дату — 25-летие с начала Великой Отечественной войны. Игнорировать убийство десятков тысяч советских граждан — независимо от их национальности — было бы по меньшей мере странно. К тому же новый руководитель партии Л. И. Брежнев регулярно апеллировал к памяти советских граждан о Великой Отечественной войне. Победа советских людей над абсолютным злом должна была примирить сторонников и противников так называемой «десталинизации», инициированной Н. С. Хрущевым в середине 1950-х годов.

Подготовить новый проект памятника было поручено двум известным архитекторам — И. Ю. Каракису и А. М. Милецкому. Однако их работа не была одобрена в ЦК. В октябре 1966 года в южной части оврага был установлен обелиск — о еврейской катастрофе на нем не упоминалось. Риторический вопрос «Почему это не сделано?», публично заданный В. П. Некрасовым еще в 1959 году, так и остался риторическим (см.: [Некрасов, 1959]).

И все же в 1961 году жертвам Бабьего Яра был поставлен памятник — литературный.

«Над Бабьим Яром памятников нет...»

По воспоминаниям Евтушенко, еще в сталинское время советский режиссер А. П. Довженко пригласил его и Кузнецова на просмотр некоего японского фильма. Названия его Евтушенко не запомнил. В памяти остался только саркастический комментарий Довженко к этому самому фильму, который он, кстати, даже не смог досмотреть: «Это так гениально, что я не могу этого больше видеть. Мне стыдно за всю мою жизнь» [Евтушенко, 1998, с. 432].

«А я, — продолжает Евтушенко, — испытал нестерпимый стыд в 1961 году. Тогда, впервые встав на обрыве перед Бабьим Яром рядом с Кузнецовым, вызвавшимся быть моим гидом, я потрясенно увидел, что там нет никакого памятника, ни даже какого-либо знака. Бабий Яр был превращен в свалку. Начало стихотворения выдохнулось само: “Над Бабьим Яром памятников нет...”» [Евтушенко, 1998, с. 432].

«Выдохнулась» не только первая строка. Если верить автору, весь остальной текст тоже «выдохнулся». К вечеру стихотворение было закончено. Затем Евтушенко позвонил своему другу — поэту и переводчику А. П. Межирову. Тот стихотворение одобрил, но издавать не советовал: «Это нельзя печатать, — сказал он. — Там все спрямлено. Все гораздо сложнее... Ты опозоришься на весь мир». Однако Евтушенко был настроен решительно: заявил, что об этом нужно говорить — «сейчас, а не завтра» — именно потому, что в этом стихотворении все наконец-то «спрямлено» [Евтушенко, 1998, с. 435].

Последовало еще несколько консультаций с товарищами по литературному делу — решили, что добиваться публикации стоит. Дальнейшая история восстанавливается по различным мемуарам — иногда друг друга подтверждающим, а иногда друг другу противоречащим. В этом, впрочем, ничего удивительного нет: мемуары — источник субъективный.

Так, в интервью 2011 года Евтушенко сказал американскому радиожурналисту М. Бузукашвили, что еще до публикации читал «Бабий Яр» в Киеве. Где именно — не сказано. Зато описана трогательная сцена: когда прозвучали последние слова, «маленькая старушка вышла из зала, прихрамывая, опираясь на палочку, прошла медленно по сцене ко мне. Она сказала, что она была в Бабьем Яру, она была одной из немногих, кому удалось выползти сквозь мертвые тела. Она поклонилась мне земным поклоном и поцеловала мне руку. Мне никогда в жизни никто руку не целовал» [Бузукашвили, Евтушенко, 2011].

Затем состоялось выступление Евтушенко в Политехническом музее Москвы. Об этой встрече подробно рассказано в литературоведческом очерке музыканта и композитора Д. Г. Цвибеля «От Станции Зима к Бабьему Яру» (2008).

Слушателей, по его свидетельству, пришло столько, что сам автор долго не мог попасть в зал. Выручили дежурившие неподалеку сотрудники милиции: внесли его, как пишет Цвибель, «буквально на руках» [Цвибель, 2008, с. 24]. И вот вечер начался:

Евтушенко читал свои уже известные стихи и новые, написанные после недавней поездки на Кубу. Однако чувствовалось, что публика ожидает чего-то необычного. И вот в конце второго отделения Евтушенко объявил: «А сейчас я вам прочитаю стихотворение, написанное после моей поездки в Киев. Я недавно вернулся оттуда, и вы поймете, о чем я говорю». Он вынул из кармана листки с текстом, но, по-моему, ни разу в них не заглянул.

И раздалось в замершем зале медленное чеканное: «Над Бабьим Яром памятников нет...». В мертвой тишине слова поэта звучали, как удары молота: стучали в мозг, в сердце, в душу. Мороз ходил по спине, слезы сами текли из глаз. В зале в мертвой тишине слышались всхлипывания.

[Цвибель, 2008, с. 24]

Когда чтение завершилось, зал «взорвался». Восторгу аудитории не было предела. «Люди, незнакомые люди, плакали, обнимали и целовали друг друга. — продолжает Цвибель. — И это делали не только евреи: большинство в зале были, естественно, русскими. Но сейчас не было в зале ни евреев, ни русских. Были люди, которым надоела ложь и вражда, люди, которые хотели очи-

ститься от сталинизма. На дворе 1961 год, наступила знаменитая “оттепель”, когда народ после многих лет молчания получил возможность говорить правду» [Цвибель, 2008, с. 24].

Однако публичное чтение — это еще не публикация. Самое трудное — впереди.

Они решили быть уволенными

Согласно Евтушенко, он сам, по собственному почину отправился в редакцию «Литературной газеты». Прочитал своим знакомым, работавшим там, стихотворение — они были ошеломлены и просили у него разрешения переписать «Бабий Яр». Именно переписать — потому что никто не думал, что Евтушенко надеется на публикацию. Однако «Бабьим Яром» заинтересовался уже главный редактор — В. А. Косолапов. И вскоре Евтушенко был в его кабинете.

Редактор В. Косолапов — немолодой уже человек — поглядел на меня своими хитрыми крестьянскими глазами из-под седых клочковатых бровей. Эти глаза много повидали на своем веку.

— Хорошие стихи, — с расстановкой сказал редактор, испытующе глядя на меня.

По своей практике я знал, что когда начинают с этой фразы, то стихи затем обычно не идут.

— Правильные стихи, — так же с расстановкой продолжал редактор. Ну теперь-то уж я совершенно был уверен, что стихи не пойдут.

— Будем печатать, — сказал редактор.

Обычная хитринка вдруг исчезла из его глаз. Его глаза посуровели.

— Конечно, может быть всякое... Ты это учти.

— Я учитываю, — ответил я.

[Евтушенко, 1998, с. 85–86]

И все же Косолапов медлил. Санкционировать такую публикацию единолично он, как оказалось, не мог. Даже отправил машину за кем-то. Оказалось, впрочем, что не за куратором в ЦК... а за своей женой: «С женой я решил посоветоваться, — сказал редактор. — Она мой большой друг... Видите, и она одобрила...» [Евтушенко, 1998, с. 86].

Дело, однако, было не только в доверии. Помимо родственных чувств, вспоминает Евтушенко в уже цитированном интервью в «Чайке», тут был еще и правильный семейный расчет: «Потом они вместе вышли, и она подходит

ко мне. Я бы не сказал, что она плакала, но немножечко глаза у нее были на мокром месте. Смотрит на меня изучающе и улыбается. И говорит — не беспокойтесь, Женя, мы решили быть уволенными [Бузукашвили, Евтушенко, 2011].

Так 19 сентября 1961 года на последней странице «Литературной газеты» появилось стихотворение «Бабий Яр». Впрочем, оно было не единственным.

Первое в подборке — «На митинге в Гаване» — о посещении Кубы Ю. А. Гагариным в июле того же года. Однако центральный образ здесь — это младенец, которого мать, простая кубинка, на людях кормит грудью. Это никого не смущает — ни обычных людей, ни первого в мире космонавта Гагарина, ни лидера компартии Кубы Ф. Кастро, ни президента Кубы О. Дортикоса Торрадо. В этой сцене ни наготы, ни смущения перед ней — только чувство единения всех людей друг с другом и эксплицированные христианские аналогии. Кормление младенца, по словам поэта, — «целомудренно и чисто», а упомянутые выше герои «глядят на малыша светло и свято» [Евтушенко, 1961]. Ну а вбирает кубинский Христос с материнским молоком, конечно, революцию, избавившую все прогрессивное человечество от земных мытарств.

Второе стихотворение — о заброшенном американском кладбище на острове Пинос — «Американское кладбище на Кубе». По сути, чистая публицистика, лишенная поэзии и метафоры. Даже в комментарии не нуждается. Помимо, пожалуй, исторического. Остров Пинос с открытия Колумбом в 1494 году принадлежал Испании, затем, после Испано-американской войны в 1898 году, перешел в собственность США. И только в 1925 году отошел Кубе. В 1978 году остров был переименован в Хувентуд, как он и называется по сей день. Там действительно есть кладбище, где похоронены американцы. Запущенное же оно не потому, что американцы — подлецы, и не потому, что кубинцы ненавидят «гринго», а потому, что с 1925 года там американцев не хоронили. Но Евтушенко был нужен повод обругать Америку — он его нашел. Искренность или ее отсутствие здесь ни при чем.

Наконец — «Бабий Яр», третий в подборке.

Это стихотворение, охарактеризованное Евтушенко как поэма. Однако на некоторых сайтах оно приводится не в той редакции, которая была помещена в «Литературной газете». Поэтому ниже мы воспроизводим этот текст с сохранением строфики:

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.
Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.

Мне кажется сейчас —
я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне — следы гвоздей.

Впрочем, и в таком виде это стихотворение вызвало у критиков огромное недовольство.

Про зауженные брюки и грязные простыни

24 сентября 1961 года газета «Литература и жизнь», чья редакция, кстати, располагалась в том же здании, что и редакция «Литературной газеты», опубликовала подборку стихотворений не самого известного поэта А. Я. Маркова: «Ясная Поляна», «Осеннее», «Козья ножка» и «Мой ответ». Последнее представляет собой гневную отповедь по адресу Евтушенко:

Какой ты настоящий русский,
Когда забыл про свой народ,
Душа, что брючки, стала узкой,
Пустой, как лестничный пролет.
Забыл, как свастикою ржавой
Планету чуть не оплели,
Как за державою держава
Стиралась с карты и с земли.
Гудели Освенцимы стоном,
И обелисками дымы
Тянулись черным небосклоном
Все выше, выше в бездну тьмы.
Мир содрогнулся Бабьим Яром,
Но это был лишь первый яр,
Он разгорелся бы пожаром,
Земной охватывая шар.
И вот тогда — их поименно
На камне помянуть бы вряд, —
О, сколько пало миллионов
Российских стриженных ребят.
Их имена не сдуют ветры,
Не осквернит плевком пигмей.
Нет, мы не требовали метрик,
Глазастых заслонив детей.
Иль не Россия заслонила
Собою амбразуру ту?!.
Но хватит ворошить могилы,
Им больно, им невмоготу.

Пока топтать погосты будет
Хотя б один космополит, —
Я говорю: я русский, люди!
И пепел в сердце мне стучит.

[Марков, 1961]

Помимо косноязычия и откровенной бездарности здесь налицо — отсутствие логики. Почему-то на Евтушенко пало подозрение, будто он «забыл, как свастикою ржавой планету чуть не оплели». Почему, кстати, ржавой и как ей можно оплести что-либо? Здесь же — обвинение в том, что он не помнит или не знает, как «Освенцимы» (с ударением на третьем слоге...) «гудели стоном», а дымы тянулись черным обелиском по небу, опрокинувшемуся и ставшему «бездной тьмы»...

Затем Марков напоминает Евтушенко, что Бабий Яр был лишь первым «яром». Хотя Евтушенко и не настаивал, что Бабий Яр — единственное место, где расстреливали невинных.

Весьма причудливо Марков превозносит Красную армию: «Нет, мы не требовали метрик, / Глазастых заслонив детей». Но в «Бабьем Яре» и не говорится, что красноармейцы были избирательны и отказывались защищать детей в зависимости от их национальности. Было бы странно, если бы было иначе. Не менее своеобразна и характеристика «глазастые», употребленная, видимо, ради сентиментального эффекта.

Впрочем, эти несуразности хоть и превращают послание Маркова в автокарикатуру, восприятию общего смысла не препятствуют. «Не тех оплакиваешь, космополит. Если вообще оплакивать нужно» — так можно было бы выразить основную мысль «Моего ответа».

Подобно многим публицистам, агрессивно реагировавшим на попытки разоблачения антисемитской политики СССР, Марков настаивал, что скорбеть о евреях в том месте, где расстреливали и неевреев, — безнравственно. Наиболее внятно об этом сказано в первых и последних четырех строках послания. В них же употреблены сравнения, хоть сколько-нибудь роднящие это стихотворение с художественно-публицистическим текстом.

Отметим и реализованную в этих стихах культурную антитезу. «Душа» Евтушенко неслучайно стала узкой, «как брючки». Зауженные книзу брюки были в моде у так называемых «стиляг», особо ненавидимых ревнителями советской старины. Себя же Марков идентифицирует не с кем-то, а с Тилем Уленшпигелем. Конечно, не с плутом из немецкой литературы эпохи Возрождения, продемонстрировавшим как-то раз крестьянам свой зад, а с героем-ос-

вободителем из романа Шарля де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле...». Досадно, что советский фландриец Марков не пояснил, от каких именно испанцев и кого конкретно он жаждет освободить.

С другой стороны, упоминание о Тиле Уленшпигеле носит субъективно-критический характер. Во всех автобиографиях Евтушенко отмечал, что восхищался этим героем (см.: [Евтушенко, 1998, с. 227–228]). Что-то подобное слышали, вероятно, в писательских кругах — вот Марков и экспроприировал героический образ. Негоже космополиту и стилисте рассуждать о настоящем герое. Однако Евтушенко своим детским идеалам не изменил: в 1965 году опубликовал стихотворный «Монолог Тиля Уленшпигеля» — будто наперекор своим критикам.

Выступление Маркова (впрочем, как и другие стихотворения в подборке) смехотворно. Вероятно, это же понимали и сотрудники «Литературы и жизни». Современный российский филолог и литературный критик П. М. Полян со ссылкой на статью В. В. Огрызко «Дерзать или лизать» пишет:

Стишок Маркова «Мой ответ», согласно В. Огрызко, не нашел поддержки у весомой части коллектива редакции и редколлегии. Трещины, демарши и расколы стали сотрясать издание. В понедельник, 25 сентября, в газету приезжал возмущенный член редколлегии А. Л. Дымшиц (1910–1975). Он требовал собрать редколлегию, но [главный редактор «Литературы и жизни»] Полторацкий, хотевший заручиться поддержкой Союза писателей, перенес ее на завтра. Дымшиц уехал, оставил письменный протест против публикации «Ответа» Маркова.

[Полян, 2021]

Категорически против марковского послания выступил и один из заместителей Полторацкого — К. И. Поздняев. А вскоре посыпались эпиграммы на Маркова и сатирические реинтерпретации стихотворения «Мой ответ». Наиболее известны юморески С. Я. Маршака, Л. О. Утесова и К. М. Симонова (см.: [Полян, 2022, с. 411–426]).

«Литература и жизнь» решила ударить по репутации Евтушенко еще раз. 27 сентября 1961 года была напечатана огромная статья Д. В. Старикова «Об одном стихотворении». По словам Поляна, от Старикова «ждали помимо атакующего задора и зубодробительности еще и чего-то другого — основательности, солидности, выверенности и убийственности аргументов». Стариков явно старался как мог.

О художественных качествах «Бабьего Яра» он решил не говорить вовсе. Нет смысла говорить о том, чего нет: «Не знаю, кто как, но я не могу, говоря о

нем, беспокоиться, скажем, насчет рифм или печалиться по поводу не очень высоких качеств авторского слога» [Стариков, 1961].

Затем критик напоминает читателям — и не только им, — что к катастрофе, произошедшей в Бабьем Яре, обращались многие. Евтушенко — далеко не первый: «Вот уже третью ночь подряд я перечитываю статьи военных лет — книги Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, Алексея Толстого, Леонида Леонова, Александра Фадеева... Громадное, непередаваемое горе встает с этих исторических страниц — такое, каким оно действительно было». Эти же строки указывают читателям газеты и самому Евтушенко на его место. В советской литературе есть мастера, опытные, заслуженные писатели с довоенным писательским стажем. И есть молодые выскочки, которые даже не потрудились задуматься, в праве ли они касаться такой темы, как Бабий Яр: «Знает ли сегодняшний молодой читатель и слушатель Евг. Евтушенко, что это такое? Не призабыли ли об этом люди среднего возраста, пожилые и старики? И думал ли об этом по-настоящему сам автор?» [Стариков, 1961].

Подобный менторский тон вроде бы свойственен критикам, умудренным жизненным и профессиональным опытом. Однако Стариков всего на полтора года старше Евтушенко.

Затем описано «нередаваемое горе» — убийство тысяч мирных людей. «Полуторатысячную толпу — стариков, женщин, детей — гонят по дороге. В трех километрах от города для них уже вырыты ямы. Заставляют раздеваться. Загоняют в ямы по пяти человек и стреляют из автоматов. К концу дня ямы начали засыпать. Под легким слоем земли полуживые люди шевелились. Земля шевелилась... Земля стонала...» [Стариков, 1961].

Далее рассказываются истории двух семей — однако не с еврейскими, а с акцентированно украинскими фамилиями — Билык и Супрун. Такой выбор обусловлен публицистической целью Старикова — продемонстрировать читателю, что жертвы Бабьего Яра — не только евреи.

«Где это было — у рвов и ям Смоленска, в Бабьем Яру под Киевом или возле Пирятина на Полтавщине; в яру в Триполье на дороге в Обухов или у Змиевской балки в Ростове; у противотанкового рва за стекольным заводом в километре от Минеральных Вод или в Дробицком Яру за Тракторным заводом в Харькове?...» — задается вопросом Стариков. И оставляет вопрос без ответа. Подразумевается, что горе — общее. И, оплакивая одну нацию, неизменно предаешь другие. Следовательно, Евтушенко нарушает принципы интернационализма.

Эта уловка становится пропагандистским фундаментом статьи. И тут же — для пущей прочности — Стариков приводит ссылку на авторитет — на И. Г. Эренбурга. Точнее, на его стихотворение 1944 года о Бабьем Яре: «Я жил

когда-то в городах, / И были мне живые милы, / Теперь на тусклых пустырях / Я должен разрывать могилы. / Теперь мне каждый яр знаком, / И каждый яр теперь мне дом. / Я этой женщины любимой / Когда-то руки целовал, / Хотя, когда я был с живыми, / Я этой женщины не знал...» [цит. по: Стариков, 1961].

В этих стихах, по утверждению Старикова, ни слова о катастрофе еврейства или другой отдельной национальности. Здесь — катастрофа всего человечества. Даже Эренбург, настаивает Стариков, никогда не позволял себе выделять одну национальность. А в подтверждение тезиса приводятся цитаты из очерков Эренбурга:

«В убийстве еврейских старух и младенцев всего яснее сказалась низость гитлеровской Германии. Но разве не то же делают фашисты с русскими и украинцами, с поляками и югославами?» — писал в 1944 году Илья Эренбург. «Почему немцы убили евреев? — писал он в 1943 году о трагедии Пирятина. — Праздничный вопрос. Они убили в том же Пирятине сотни украинцев. Они убили в селе Клубовка двести белорусов. Они убивают в Гренобле французов и на Крите греков. Они должны убивать беззащитных, в этом смысл их существования». «Они говорят: “Мы против евреев”. Ложь... В Югославии немцы объявили, что “низшая раса” — сербы. В Польше они обратили в рабство поляков. Они ненавидят все народы...» Это — из статьи Ильи Эренбурга 1941 года.

[Стариков, 1961]

Однако на этом Стариков не останавливается — он решает обвинить Евтушенко... в антисемитизме. Использовать против него его же оружие: «Но не стоит ли, между прочим, поразмыслить, чего больше в этой декламации: обидной снисходительности “не такого как они” (“еврейской крови нет в крови моей”, — сообщает Евтушенко), или “святой простоты” невежества, или, наконец, политической бестактности?» [Стариков, 1961].

Требования политического такта не ограничиваются только светской историей. Применяться они обязаны и к истории культа. Поэтому отсылки к тому факту, что Христос был евреем, согласно Старикову, также неуместны. Правда, логика обвинения здесь не вполне прозрачна: «“Евреи распяли нашего Христа”, — рычали некогда погромщики. Неужто же эту тупоумную мерзость непременно надо заменять другой: Христос, дескать, был евреем!» Туманно выглядит и следующий риторический вопрос: «Нельзя ли обойтись без такой “научной” полемики?» [Стариков, 1961].

Стариков отвлекается от провинившегося юнца и пускается бранить неправильных евреев — тех евреев, которые не чтут принципов интернацио-

нализма и, вопреки советским идеологическим установкам, помнят-таки, что они евреи:

А чего стоят на деле столь же безграмотные, сколь бездумные восклицания о еврейском народе как таковом, «вообще» — об этом лучше меня могут поведать, ну, хотя бы те немногие из наших соотечественников, кто, прислушавшись к мистическому «зову крови» (чудесным образом совпавшему со сладостным зовом сирен националистической буржуазной пропаганды), поверил, будто можно быть «евреем вообще», и устремился в Израиль. То, что они решились променять свою **Советскую Родину** на мнимую «родину всех евреев» — дело их гражданской и человеческой совести.

[Стариков, 1961]

Впрочем, обрутав космополитов, он снова решает заняться Евтушенко — и обвиняет его в русофобии. «Бабий Яр» буквально проникнут духом пренебрежения к русским — сетует Стариков. И это уже не первый случай: «Ровно два года прошло со времени, когда в одном из журналов было напечатано предыдущее столь же прямое обращение Евтушенко к “России”, к “народу российскому”» [Стариков, 1961].

Здесь речь о подборке стихотворений, помещенной в сентябрьском номере «Октября» за 1959 год. Самое скандальное — «Ты спрашивала шепотом...», в котором говорится о чувствах лирического героя к некой девушке с рыжей челочкой. В комнате, где «постель была расстелена», она была неуверенной, робко спрашивала: «А что потом?» Но уже на следующий день всем своим видом показывала, что она так же горда и независима, как и до свидания: «В твоих глазах — / насмешливость, и в них приказ — / не смешивать / тебя сейчас / с той самою, / раздетою / и слабою». Однако лирический герой ее напускную серьезность воспринимает с иронией: «Но это — дело зряшное. / Ты для меня вчерашняя, / стыдящаяся, / жалкая, / как в лихорадке, жаркая» [Евтушенко, 1959, с. 117–118].

За это стихотворение Евтушенко ругали и именитые, и малоизвестные критики [Турков, 1959; Напечатали, а что потом?.., 1959; Чапчахов, 1959; Наровчатов, 1959]. И правильно, по мысли Старикова, делали. Ни к чему «перетряхивать свои грязные простыни» [Стариков, 1961].

Однако в первую очередь прорабатывать Евтушенко нужно было бы за другое стихотворение — «Что делает великою страну...». В нем, утверждает Стариков, слишком много о страданиях русского народа и мало о победах и свершениях. А значит, Евтушенко не столько хвалит Россию, сколько унижает ее (см.: [Евтушенко, 1959, с. 117]).

Выходит, зря надеялись, что юноша вырастет и наберется политической сознательности. Все ровно наоборот: был пижон и сердцеед — стал русофоб.

В завершение статьи высказывались инвективы уже в адрес «Литературной газеты» — «всесоюзной писательской газеты», которая «позволяет Евтушенко оскорблять торжество ленинской национальной политики такими сопоставлениями и “напоминаниями”, которые иначе как провокационные расценить невозможно» [Стариков, 1961].

Через четыре дня проводилось мероприятие, о котором ни в мемуарах, ни в научных работах не упоминают. 3 октября 1961 года стихотворение Евтушенко обсуждалось на совещании молодых писателей в Москве. Об этом известно из репортажа А. Елкина в «Комсомольской правде»:

Выступавшие на совещании критиковали опубликованное «Литературной газетой» стихотворение Е. Евтушенко «Бабий Яр», где поэт, не подумав, смешал и перепутал множество понятий самого различного плана, затеял шумиху вокруг вопроса, давным-давно решенного нашей жизнью, ударил, как говорится, не в те колокола. Несомненно, если подходить к стихотворению «Бабий Яр» с точки зрения высоких принципов партийности литературы, его следует признать серьезным творческим просчетом поэта. Обо всем этом сказали Е. Евтушенко на совещании сами молодые поэты.

[Елкин, 1961]

Действительно, «ударил не в те колокола» звучит не так страшно, как обвинения со страниц «Литературы и жизни». Здесь ни драмы, ни скандала, поэтому и сам Евтушенко об этом совещании не вспоминал.

А вот критическая атака Маркова и Старикова его якобы насторожила. Настолько, что он решил поговорить с М. А. Шолоховым — но под самым благовидным предлогом: хотел «попросить его, чтобы он не позволял шовинистам и антисемитам пользоваться его именем» [Евтушенко, 1998, с. 286].

А высокие намерения, как известно, нередко доходят до дела.

Встреча с классиком

Евтушенко позвонил Шолохову в Вешенскую и попал на его секретаря. Тот передал трубку мэтру, чрезвычайно оживившемуся: «А, мой любимый поэт. Ну что, заедают тебя антисемиты?» [Евтушенко, 1998, с. 287]. Тогда же условились о встрече в станице.

В ростовском аэропорту, где у Евтушенко была пересадка, с ним говорили местные чиновники от литературы: попросили, чтобы он не вовлекал Шоло-

хова в свои московские дела. Подразумевалось, что молва о «Бабьем Яре» и скандале, связанном с ним, уже шла по всему Советскому Союзу.

Впрочем, предосторожности оказались напрасными. Шолохов владел наукой осмотрительности и вовлекаться в скандальную историю даже не думал. Жил «барин», как его прозвали местные, в огромном доме, охраняемом милицией («Возле глухих высоких ворот стояла самая настоящая милицейская будка, а в ней был самый настоящий милиционер! Это в своей-то родной станции!» [Евтушенко, 1998, с. 287]). Пройдя все проверки, Евтушенко был представлен жене Шолохова, которая проводила его в кабинет мужа и попросила немного подождать. Здесь Евтушенко отпускает еще одно ехидное замечание: «Стол был завален грудой писем, в большинстве иностранных. Внимательно приглядевшись, как все тот же чеховский “злой мальчик”, я заметил, что параштемпелей на письмах была двух-трехгодичной давности, хотя письма были разбросаны так художественно, как будто их только что получили» [Евтушенко, 1998, с. 288].

Наконец появился сам автор «Тихого Дона». Сев за письменный стол напротив Евтушенко, сказал:

Хорошо, что приехал. Михал Александрович давно за тобой следит. Ты у нас талантище. Бывает, конечно, тебя заносит. Ну, да это дело молодое. Что, брат, заели тебя наши гужееды за «Бабий Яр»? Михал Александрович все знает. Ты не беспокойся — Михал Александрович сам черносотенцев не любит. Михал Александрович на фронте с одним евреем-политработником подружился, а один генерал возьми да и сказани: «Чего ж это, мол, вы, можно сказать, русский классик, с такими дружбу водите?» Ну, Михал Александрович тогда врезал этому генералу, ох как врезал. Сильные ты написал стихи, нужные...

[Евтушенко, 1998, с. 288]

Однако радость Евтушенко была преждевременной. Похвалив его за смелость и решимость, Шолохов вдруг начал его бранить... за то, что тот сильные и нужные стихи опубликовал. Нельзя, увещевал Шолохов молодого поэта, давать врагам оружие против себя. И, постучав по крышке письменного стола, сказал:

Знаешь, что лежит в ящиках этого стола? Новые главы «Они сражались за Родину», да такие, что взрыву подобны! — Шолохов перегнулся ко мне над столом и лихорадочно зашептал: — Ты думаешь, что у Михал Александровича нет врагов? Да еще и какие... Так вот, если бы Михал Александрович напечатал эти

главы, то враги его бы растерзали. Но Михал Александрович умен и никогда не даст в руки своих врагов оружие против себя. Ну а ты зачем дал им это оружие в борьбе против себя самого, зачем напечатал «Бабий Яр» и подставился?

[Евтушенко, 1998, с. 289]

Впрочем, Шолохов почти сразу смягчился. Точнее, «гибко перешел к отеческой заботливости», по определению Евтушенко. «Слышал, слышал Михал Александрович, какие у вас в Москве вечера поэзии. Яблоку негде упасть. Конная милиция. Да когда же и шуметь, если не в молодости!» [Евтушенко, 1998, с. 289].

Евтушенко сразу воспрянул духом и пригласил его на один из таких вечеров, «рисую в своем воображении романтическую картину: автор “Тихого Дона” с умиленными слезами слушает Ахмадулину, Окуджаву, Вознесенского, Евтушенко, пожимает заляпанную гипсом и глиной лапищу Эрнста Неизвестного, с задумчивым восторгом крутит седой ус перед картинами Олега Целкова, подписывает коллективное письмо в защиту советского джаза...». Мэтр согласился, заключил добродушно: «Спасибо. Михал Александрович непременно сходит, послушает вас с удовольствием. Нельзя отрываться от молодежи, нельзя» [Евтушенко, 1998, с. 289].

Затем Евтушенко сказал, что его отправляют в командировку на Кубу, — Шолохов одобрил: «Это хорошо. Вот и отсидишься». Сам же обещал помочь чем сможет: «А Михал Александрович на съезд партии собирается. Надо хорошенько долбануть по бюрократии, по гужеедам, по антисемитам. А заодно и нашу молодежь талантливую поддержать, защитить. Так что поезжай и не волнуйся — Михал Александрович нужное слово в твою защиту скажет» [Евтушенко, 1998, с. 289–290].

Так что уехал от него Евтушенко обнадеженный. Но — голодный: «Замечу, что я был гостем из дальних краев, но поесть мне никто не предложил. Несмотря на то что мне далеко не все понравилось ни в его доме, ни в нем самом, все-таки я ушел обнадеженным, окрыленным — сам Шолохов обещал защитить мой “Бабий Яр”, выступить против бюрократов, шовинистов, антисемитов» [Евтушенко, 1998, с. 290].

Приехав на Кубу, он рассказал о встрече с Шолоховым А. И. Алексееву, занимавшему должность советника по вопросам культуры посольства СССР на Кубе. Тот в ответ «расхохотался», а позже, той же ночью, позвонил Евтушенко и велел ему явиться в посольство. Встретил перепуганного поэта с бутылкой водки и свежим номером «Правды».

Я раскрыл газету и сразу наткнулся на речь Шолохова, произнесенную им на партийном съезде, ту самую речь, которую я так ждал. Никакой защиты «Бабьего Яра» там и в помине не было. Были грубые казарменные остроты, вместо обещанного удара по бюрократии и шовинизму — мелкое личностное хамство, и что самое отвратительное — он обрушился с издевательскими нападками на наше поэтическое поколение, высмеивая наши литературные вечера, ни на одном из которых не был, оскорбительно называя читателей кликушами. Я остолбенело выпустил газету из рук.

[Евтушенко, 1998, с. 291]

Шолохов выступал на утреннем заседании 24 октября 1961 года. И действительно ни об антисемитах, ни о гужеедах — кто бы они ни были — ничего не сказал. Зато беспощадно ругал модных молодых писателей и их поклонников:

Молодым творцам «непреходящих ценностей», тем, которые живут в провинции, не запретишь въезд ни в Москву, ни в другие крупные центры. Они слышат, с каким триумфом проходят в Москве литературные вечера наших нынешних модных, будуарных поэтов — непременно с конным нарядом милиции и с истерическими криками молодых стилижных кликуш. Им тоже хочется покрасоваться перед нетребовательными девицами в невероятно узких штанишках и в неоправданно широкоплечих сюртуках. (Общий смех. Аплодисменты.) Им тоже хочется вкусить от плодов славы. Вот они и прут в Москву, как правоверные в Мекку. (Смех. Аплодисменты.) И никакими уговорами и карантинами их не удержишь. Как говорится, «идут и едут, ползут и лезут», а своей цели достигают. (Смех. Аплодисменты.)

[Шолохов, 1961]

Итак, картина получается совсем неприглядная. Шолохов цинично обманул «своего любимого» поэта, которого обещал поддержать и на прощание даже крепко обнял.

Следующий абзац из выступления Шолохова будто раскрывает причину антипатии к Евтушенко и его товарищам:

Что, допустим, Федину, Леонову, Максиму Рыльскому или мне от того, что какая-нибудь молодка бросит на ходу: «Посмотри, душка, это идет такой-то!»? Для нас это — уже «не тот нарзан», как говорят старые пенсионеры. (Общий хохот. Аплодисменты.) А молодому это лестно, ты морщишься от бесцеремонного

упоминания твоего имени, а иной молодой тает. К этому можно относиться без снисходительности, но понимать младость все-таки надо.

[Шолохов, 1961]

Значит, виной всему — зависть, которую будущий нобелевский лауреат не сумел скрыть. На поэтические вечера Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, Рождественского и проч. действительно было не пробиться. И у здания нередко дежурила конная милиция. А вот якобы хранившиеся в письменном столе новые главы «Они сражались за Родину» — те самые, что «взрыву подобны», так и не были напечатаны. Если вообще было что печатать. А значит, дело не в нарзане, а в том самом винограде, который «хоть видит око, да зуб неймет».

Однако здесь мы вынуждены сопоставлять стенограмму выступления Шолохова с мемуарами Евтушенко. А мемуары, как выше отмечено, источник субъективный. Поэтому неизвестно, как все было на самом деле.

Не исключено, что разговор между двумя литераторами (если он вообще был) шел совершенно иначе. И ничего Шолохов молодому стихотворцу не обещал. Даже больше: было бы странно, если бы обещал.

Шолохов — этатист. И отнюдь не либерал. Модную молодежь он не любил. Да и завидовать, откровенно говоря, было нечему. Он титульный автор «Донских рассказов», «Тихого Дона», «Поднятой целины» и целого ряда военных очерков. Вопрос о том, он ли их написал, был уже давно решен в его пользу. По сути, главный автор СССР. А тут — юнцы стихами про постели забавляются.

Однако выступление Шолохова состоялось уже тогда, когда скандал утих. Стихотворение опубликовано и обругано. Автор — на Кубе. Все не так плохо.

Симптоматические несоответствия

Реакция критиков на публикацию «Бабьего Яра» давно имеет статус общего места. Однако ординарность ситуации следовало бы рассматривать как проблему. По-хорошему не понятно, чем вызван гнев Маркова и Старикова — помимо редакционного заказа, конечно.

Достаточно пройти по содержанию этого текста, чтобы увидеть несоответствие между событием — напечатанием текста — и его восприятием.

В первых строках «Бабьего Яра» сказано лишь то, что над Бабьим Яром нет памятника. Почему он должен там быть — не уточняется. Дальше лирический субъект говорит о своей сопричастности еврейскому народу. И чувствует, как бредет по Египту, затем умирает на кресте, затем оказывается на месте Альфреда Дрейфуса. «Мне кажется — я мальчик в Белостоке» — явная отсылка к

событиям 1906 года — к одному из самых кровопролитных еврейских погромов в Российской империи.

Затем автор, жертвуя ритмикой стихотворения, обращается к русскому народу, который «по сущности интернационален», и сожалеет, что откровенно антисемитский «Союз русского народа» апеллировал именно к тому, что это союз русских людей. Следующее воплощение лирического субъекта — Анна Франк, девочка-еврейка, погибшая в 1945 году от тифа в Берген-Бельзене и успевшая в период, когда ее семья жила в Голландии, написать на голландском языке публицистическую работу «Убежище», более известную под названием «Дневник Анны Франк».

Упоминание об Анне Франк служит переходом к событиям, которые не трудно определить, — к оккупации Украины немецкими нацистами и последующим расстрелам евреев в Бабьем Яре. Эта часть, пожалуй, наиболее экспрессивна и написана с искренним человеческим чувством. О самом убийстве невинных не сказано — мы узнаем лишь, что чувствовали обреченные: «Как мало можно видеть, / обонять! Нельзя нам листьев / и нельзя нам неба. / Но можно очень много — / это нежно / друг друга в темной комнате обнять. / Сюда идут? / Не бойся — это гулы / самой весны — / она сюда идет. / Иди сюда. / Дай мне скорее губы. / Ломают дверь? / Нет — это ледоход...»

Гулом ледохода, а на самом деле, конечно, звуком выламываемой двери заканчивается ретроспекция. Лирический субъект возвращается в настоящее и снова стоит над Бабьим Яром, где теперь слышны только шелест диких трав и молчаливый крик о произошедшем около 20 лет назад.

Последние стихи — чистая публицистика, сродни плакату.

Но о главном — о том, что случилось в Бабьем Яре, — не сказано. Сейчас по контексту это восстанавливается без труда, однако не в условиях 1961 года, когда обстоятельства холокоста старательно замалчивались.

Не утверждал Евтушенко и того, что нацисты убивали только евреев, а представителей других национальностей — как повезет. И все же Марков и Стариков откуда-то эту мысль вычитали.

Значит, было откуда.

Нездоровая почва

Дать самый краткий очерк национальной политики в СССР не представляется ни возможным, ни корректным в рамках статьи. Поэтому мы укажем основные события, которые происходили после войны.

В 1946 году в СССР начали ограничивать или жестко регламентировать все манифестации иудаизма. Были запрещены иудейские похоронные службы и

ритуальные убийства скота и птицы. Фактически иудаизм как религия был упразднен (см: [Советский союз. Евреи в Советском союзе в 1945–53, б. г.]).

Участие евреев в политической жизни страны тоже всячески ограничивалось (см: [Шварц, 1952, с. 198–215]).

В том же 1946 году советские ученые, микробиолог Н. Г. Клюева и гистохимик Г. И. Роскин, завершили работу над монографией «Биотерапия злокачественных опухолей». Книга должна была вскоре выйти в Москве. Планировались также переводы на другие языки. Полагая, что долг врача — как можно скорее ознакомить коллег с открытием, и не прогнозируя каких-либо санкций, Клюева передала В. В. Парину, секретарю АМН СССР, рукопись монографии и ампулы с препаратом и попросила, чтобы тот способствовал напечатанию книги в США, куда тот вскоре должен был быть командирован. Итогом этого мероприятия стал грандиозный скандал. Парина по возвращении в СССР приговорили к 25 годам тюремного заключения за шпионаж в пользу США — Клюева и Роскин были подвергнуты так называемому суду чести (см: [Костырченко, 2003, с. 292–300]).

Однако на этом дело не утасло. В прессе была развернута кампания против лжепатриотов и низкопоклонников перед Западом. Всем получившим такой ярлык инкриминировалось пренебрежительное отношение к достижениям советской и даже досоветской отечественной науки и, напротив, восторженное отношение к достижениям науки западной, а также к западному образу жизни. При этом все западное советской прессой дискредитировалось. Когда же речь шла о тех достижениях, которые дискредитировать было невозможно, советские пропагандисты доказывали, что достижения эти не самостоятельны, а основываются на разработках российских ученых (см: [Болховитинов, Буянов, Захарченко, Остроумов, 1950]).

Выражением антисемитских настроений на высшем государственном уровне стало выступление ответственного за идеологию А. А. Жданова. В январе 1948 года, во время выступления на встрече деятелей музыкального искусства в ЦК, он настаивал, что интернационализм невозможен без осознания собственной национальной идентичности. Забыть об этом — значит стать «безродным космополитом».

На самом деле все несколько иначе. О «безродных космополитах» с прозрачным намеком на евреев «Правда» писала уже в 1948 году (см: [Коренные вопросы развития советской музыки, 1948; Виссарион Белинский, 1948; Маслин, 1948; Софронов, 1948]).

Антисемитская интенция угадывалась в самом этом выражении. Еще более очевидной она стала после мая 1948 года, когда была провозглашена независимость государства Израиль. Писатели-евреи нередко оказывались под

шквалом критики, публикации, относящиеся к проблеме холокоста, блокировались советской цензурой, рядом с псевдонимами авторов-евреев в скобках указывались настоящие фамилии — особенно если против автора формулировались инвективы (см.: [Фатеев, 1999, с. 85–108]).

Самый громкий антисемитский эксцесс 1948 года — это постепенное уничтожение Еврейского антифашистского комитета, которое началось примерно весной и сопровождалось серией публикаций, содержащих критику так называемой «сионистской» политики Запада (см.: [«Нью стейтсмен энд нейшн» о признании Соединенными Штатами еврейского государства, 1948; К англо-американским отношениям, 1948; Заявление Снэга, 1948]).

Еще раньше, в январе 1948 года, примерно в то же время, когда Жданов толковал об опасности космополитизма, в Минске был убит председатель Еврейского антифашистского комитета С. М. Михоэлс.

Далее — очередной виток эскалации. Январь 1949 года начался с публикации в «Правде» статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», накалившей атмосферу юдофобства. В этой статье говорилось, что «в театральной критике сложилась антипатриотическая группа последышей буржуазного эстетства, которая проникает в нашу печать и наиболее развязно орудует на страницах журнала “Театр” и газеты “Советское искусство”». Естественно, отмечалось, что эти критики «утратили свою ответственность перед народом; являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма» [Об одной антипатриотической группе театральных критиков, 1949].

Самое, пожалуй, печальное — в том, что насаждение ксенофобских идей в массовом сознании и их культивация удалась на славу. Бытовой антисемитизм цвел пышным цветом, охота на ведьм становилась все более и более результативной. Все связи между СССР и Западом были вновь разорваны, советские обыватели выучили твердо, что враг — это чужак, не разделяющий советских ценностей, раболепно смотрящий в сторону Запада и живущий по принципу «где лучше, там и родина». Ну а родина у таких — на Среднем Востоке.

Экстремумом этой кампании стало «дело врачей» — наиболее агрессивная антисемитская кампания в советской истории. О ее возможных последствиях спорят по сей день (см.: [Костырченко, 2003, с. 629–695; Фрезинский, 2008, с. 544–588]).

Первые оттепельные годы лишь незначительно смягчили национальную политику. Определенные шаги были сделаны, однако вряд ли их можно счесть достаточными.

С одной стороны, «дело врачей» было почти сразу прекращено, а 4 апреля 1953 года в «Правде» появилось «Сообщение Министерства внутренних дел СССР», где заявлялось, что дело было сфабрикованным, а «показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия» (см.: [Сообщение Министерства внутренних дел СССР, 1953]). Иначе говоря — их пытали.

Некоторые евреи, уволенные во время кампании, вернулись на работу. А в июле 1953 года СССР возобновил дипломатические отношения с Израилем, прерванные в феврале того же года.

С другой стороны, публичной и официальной ревизии сталинской национальной политики проведено не было. Не было и комментариев относительно пыток. Некоторые ожидали, что во время XX съезда Н. С. Хрущев или хотя бы кто-то из докладчиков коснется вопросов, память о которых была свежа. Но этого не случилось.

В отчетном докладе содержались правильные слова о равенстве всех народов и недопустимости возвышения одного народа над другим — в том числе и в аспекте финансирования союзных республик (см.: [XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, 1956, т. 1, с. 90]).

В докладе мандатной комиссии, зачитанном 16 февраля А. Б. Аристовым, были произнесены ритуальные фразы о дружбе всех членов всех компартий со всеми членами всех компартий. И тут впервые была названа такая национальность, как евреи: «Дружба народов нашей страны, пролетарский интернационализм являются незыблемой основой национальной политики Коммунистической партии. Делегатами съезда избраны: русские, украинцы, белорусы, узбеки, казахи, грузины, азербайджанцы, литовцы, молдаване, латыши, киргизы, таджики, армяне, туркмены, эстонцы, карелы, финны, татары, башкиры, поляки, евреи, буряты, чувашы, мордвины, удмурты, осетины, коми, якуты, марийцы и члены партии других национальностей» (см.: [XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, 1956, т. 1, с. 235]).

Среди приглашенных был Ш. Микунис, глава компартии Израиля. Он по традиции говорил о товариществе и взаимовыручке всех коммунистов, независимо от национальности, и отдельно акцентировал необходимость укрепления еврейско-арабской дружбы (см.: [XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, 1956, т. 1, с. 329–330]).

Однако ни о «деле врачей», ни о каких-либо проявлениях антисемитизма не было сказано ни слова.

Ситуация несколько изменилась к XXII съезду. Национальная тема была усилена. В частности, в разделе отчетного доклада, посвященном национальной политике сталинского периода. Там же говорилось о необходимости исправить ошибки, допущенные при Сталине, чтобы облагородить образ СССР в глазах зарубежных государств (см.: [XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, 1962, т. 1, с. 102–113]).

Одним из итогов XXII съезда стало принятие «Морального кодекса строителя коммунизма», где подчеркивалось, что настоящий коммунист должен быть нетерпим к «национальной и расовой неприязни», что «каждый за всех, все за одного», что «человек человеку друг, товарищ и брат», а также провозглашалась «братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами» (см.: [XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, 1962, т. 3, с. 318]).

Вкупе с другими событиями, такими как проведение VI Всемирного фестиваля молодежи в Москве в 1957 году, открытие Американской национальной выставки в Москве в 1959 году, визит Хрущева в США в том же 1959-м, появление стихотворения Евтушенко было очень кстати.

Политика хрущевской администрации, безусловно, не была односторонней и не предполагала сближения с Западом на условиях, выгодных Западу. Кроме того, в 1960 году началось очередное ухудшение взаимоотношений СССР и США. В 1960 году Хрущев отверг идею ограничения ядерных испытаний, в 1961 году началось строительство Берлинской стены, а в 1962-м напряженность начала нарастать настолько стремительно, что осенью того года две сверхдержавы оказались на грани военного конфликта с применением термоядерного оружия.

И все же советское правительство стремилось формировать и поддерживать положительный образ СССР. Далекий от идей кротости и всепрощения, но все-таки положительный. Прозрачный намек на замалчивание трагедии в Бабьем Яре был не просто большим событием — он был подобен взрыву.

А главное — этот намек заставил функционеров вроде Маркова и Старикова артикулировать те мысли, которые сохранялись в сознании у многих. Обвинения неких русских людей в антисемитизме можно было пропустить мимо ушей. Мало ли о ком идет речь. Может, разговор о досоветской эпохе. Эта гипотеза, кстати, не просто напрашивалась — была предложена самим автором. Погром в Белостоке, подонок-лабазник... было и прошло. А потом речь вообще то о французах, осудивших Дрейфуса, то о немецких нацистах... Но нет. Хождение Евтушенко на цыпочках вокруг болезненной темы вызвало самую бурную реакцию.

Человек чаще всего нападает в том случае, если полагает, что нападают на него. Многие советские литераторы участвовали в антисемитских кампаниях. Нередко — не по убеждениям, а по долгу службы. Появление же «Бабьего Яра» — это явный сигнал, что начинается кампания по укреплению интернационализма, причем настолько основательному, что на уровне центральной прессы разрешено говорить о трагедии в Бабьем Яре. Значит, снова не за горами афоризм И. А. Ильфа и Е. П. Петрова из «Золотого тельца» — «Евреи есть. А вопроса нет». А там могут случиться и другие откровения — те, которые, впрочем, так и не случились. Но все всё поняли. И некоторые встали в защитную стойку.

Разумность храбрых

Опасался ли Евтушенко санкций? Сказать однозначно нельзя — но только потому, что чужая душа — потемки. В остальном — опасаться было нечего и не из-за чего. Все якобы шолоховские рассуждения из серии «отсидишься на Кубе» — смехотворны.

В 1959 году на Кубе произошла революция. И Куба стала Островом свободы. Там установился дружественный к СССР режим, поэтому можно было отседать на протокольных мероприятиях, засвидетельствовать почтение и наслаждаться солнцем. Кроме того, делегации из СССР в дружественных странах принимались с особым почетом. Эти же мысли, кстати, проскальзывают и в мемуарах самого Евтушенко. И в более поздних интервью он не скрывал, что на Кубе был желанным гостем. В общем, та еще ссылка.

Помимо прочего, такую поездку нужно было заслужить. Что Евтушенко, видимо, и делал старательно на протяжении нескольких месяцев. Неслучайно кубинская тема появилась у него еще до поездки на Кубу.

Что же до публикации «Бабьего Яра», то без спроса и согласования с Центральным комитетом такие вопросы, конечно, не решаются. Проблема государственного антисемитизма — с какой стороны к ней ни подойди — одна из наиболее острых. Реакция Маркова, Старикова и прочих антисемитов на должности — тому свидетельство. Да и сроки издания просто фантастические. Приехал юный поэт в редакцию «Литературной газеты» — и тут же оказалось, что главному редактору другой заботы нет — только стихи о Кубе и холокосте печатать. И не то важно, что они знакомы не были, а то, что Косолапов буквально к чертовой матери послал Главлит, снял материал, который уже должен был быть заверстан на последнюю полосу, — и всем рискнул ради правды. Только с женой предварительно посоветовался.

Тут уж не главред, а какой-то чудак... Причем чудак опасный. Сколько бед мог навлечь на свое издание. И сколько людей подставить.

Полян, кстати, тоже указывает на эти несуразности (см.: [Полян, 2022, с. 335–349]). Как и на то, что история с «увольнением» — откровенная ложь. Вопреки тому, что написал Евтушенко, и вопреки тому, что до сих пор написано на множестве сайтов, включая «Википедию», «уволен» Косолапов был только в самом конце декабря 1962 года. То есть больше чем через год! Номер от 25 декабря 1962 года был подписан им. И только в следующем выпуске, от 27 декабря 1962 года, на последней полосе указано, что главный редактор — А. Б. Чаковский. Более того, «уволители» Косолапова не куда-то, а на должность директора издательства «Художественная литература». То есть так уволили, что ненароком повысили. На языке созданной Евтушенко мифологии можно сказать «отправили на Кубу».

Впрочем, охарактеризовать эту историю как фальшивую или компромиссную было бы неверно. Она в первую очередь богатая. По заказу ли написано стихотворение, по вдохновению ли — оно, пожалуй, одно из лучших у Евтушенко, создавшего сотни ныне забытых текстов. И оно, конечно, реализует сразу несколько задач. Это и публицистика, и выражение человеческой позиции, и поэтическое выступление, и анонс грядущего партийного съезда.

А еще — это начало мировой славы Евтушенко. Однако это тема следующей статьи.

Список источников

«Нью стейтсмен энд нейшн» о признании Соединенными Штатами еврейского государства // Правда. 1948. 24 мая. С. 4.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. В 2 томах. М: Государственное издательство политической литературы, 1956.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. В 3 томах. М: Государственное издательство политической литературы, 1962.

Болховитинов В. Н., Буянов А. Ф., Захарченко В. Д., Остроумов Г. Н. Рассказы о русском первенстве / под ред. В. И. Орлова. М.: Молодая гвардия, 1950. 424 с.

Бузукашвили М., Евтушенко Е. А. Евгений Евтушенко о «Бабьем Яре». Интервью // Официальный сайт онлайн-журнала «Чайка». 2011.

URL: <https://www.chayka.org/node/3104> (дата обращения: 03.07.2024).

Виссарион Белинский // Правда. 1948. 7 июня. С. 1.

Евтушенко Е. А. Волчий паспорт. М: Вагриус, 1998. 627 с.

Евтушенко Е. А. На митинге в Гаване. Американское кладбище на Кубе. Бабий Яр // Литературная газета. 1961. 19 сентября. С. 4.

Евтушенко Е. А. Новые стихи // Октябрь. 1959. № 10. С. 115–121.

Елкин А. Талант — это ответственность: Заметки о Всероссийском совещании молодых поэтов // Комсомольская правда. 1961. 4 октября. С. 3.

Заявление Снэга // Правда. 1948. 27 июня. С. 3.

К англо-американским отношениям // Правда. 1948. 29 мая. С. 4.

Коренные вопросы развития советской музыки // Правда. 1948. 24 марта. С. 2.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М: Международные отношения, 2003. 784 с.

Кузнецов А. В. Бабий Яр: Роман документ. М: Советский писатель-Олимп, 1991. 336 с.

Марков А. Я. Новые стихи // Литература и жизнь. 1961. 24 сентября. С. 4.

Маслин Н. Н. Великий революционный демократ. (К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского) // Правда. 1948. 24 мая. С. 2–3.

Материалы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // Официальный сайт Государственного архива Российской Федерации. Б. г. URL: <https://statearchive.ru/1185> (дата обращения: 03.07.2024).

Матич О. Записки русской американки: семейные хроники и случайные встречи. М.: НЛО, 2017. 577 с.

Напечатали, а что потом?.. // Литература и жизнь. 1959. 23 сентября. С. 3.

Наровчатов С. С. Против «радиоловых» стихов // Литература и жизнь. 1959. 9 декабря. С. 3.

Нахманович В. Расстрелы и захоронения в районе Бабьего Яра во время немецкой оккупации г. Киева 1941–1943. Проблемы хронологии и топографии // Бабий Яр: человек, власть, история. Документы и материалы. В 5 кн. Киев: Внешторгиздат Украины, 2004. Кн. 1. С. 84–163.

Некрасов В. П. Почему это не сделано? // Литературная газета. 1959. 10 октября. С. 2.

Нехорошев Ю. С. Евтушенко Евгений Александрович // Русские советские писатели. Поэты. Биобиблиографический указатель. Том 7: Е. Долматовский — Е. Евтушенко / Ред. тома: Н. Г. Захаренко, В. В. Серебрякова, Л. С. Шепелева; отв. за том: Н. Г. Захаренко. М.: Книга, 1984. С. 347–483.

Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 января. С. 3.

Полян П. М. Бабий Яр: Рефлексия. М: Зебра Е, 2022. 606 с.

Полян П. М. Шестой этаж: перестрелка с антисемитами // Официальный сайт «Литературной газеты». 2021. URL: <https://lgz.ru/article/39-6802-29-09-2021/shestoy-etazh-perestrelka-s-antisemitami> (дата обращения: 03.07.2024).

Советский Союз. Евреи в Советском Союзе в 1945–53 гг. // Официальный сайт «Электронной еврейской энциклопедии». Б. г. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-in-ussr/15418/> (дата обращения: 03.07.2024).

Сообщение Министерства внутренних дел СССР // Правда. 1953. 4 апреля. С. 2.

Софронов А. В. За дальнейший подъем советской драматургии // Правда. 1948. 23 декабря. С. 3.

Стариков Д. В. Об одном стихотворении // Литература и жизнь. 1961. 27 сентября. С. 3.

Турков А. М. В погоне за дешевым успехом // Комсомольская правда. 1959. 20 сентября.

Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде 1945–1954. М.: [б. и.], 1999. 261 с.

Фрезинский Б. Я. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М: Эллис Лак, 2008. 668 с.

Цвибель Д. Г. От Станции Зима к Бабьему Яру: (Еврейские обертоны творчества Евтушенко). Петрозаводск: ПИН, 2008. 73 с.

Чапчахов Ф. А. «Ох, эти люди одаренные!..»: О «новых стихах» Евг. Евтушенко // Дон. 1959. № 10. С. 181–185.

Шварц С. М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952. 262 с.

Шолохов М. А. Речь товарища М. А. Шолохова (Писатель, ростовская партийная организация) // Правда. 1961. 25 октября. С. 7.

References

“N’yu steitsmen ehnd neishn’ o priznanii Soedinennymi Shtatami evreiskogo gosudarstva” [“New Statesmen and Nation’ on the Recognition of the Jewish State by the USA”] (1948) *Pravda* [*Pravda*], 24 May.

XX s’ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz. Stenograficheskii otchet. V 2 tomakh [*The USSR Communist Party’s XX Congress. Verbatim. In 2 vols*] (1956) Moscow: The State Publishing House of Political Literature.

XXII s’ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz. Stenograficheskii otchet. V 2 tomakh [*The USSR Communist Party’s XXII Congress. Verbatim. In 3 vols*] (1962) Moscow: The State Publishing House of Political Literature.

Bolkhovitinov, V. N., Buyanov, A. F., Zakharchenko, V. D and Ostroumov, G. N. (1950) *Rasskazy o russkom pervenstve* [*Stories about Russian Primacy*]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Buzukashvili, M. and Evtushenko, E. A. (2011) “Evgenii Evtushenko o “Bab’em Yare”. Interv’yu” [“Eugeny Evtushenko on the “Baby Yar”. Interview”], in *Chayka*. Available at: <https://www.chayka.org/node/3104> (Accessed: 03 July 2024).

“Vissarion Belinskii” [“Vissarion Belinsky”] (1948) *Pravda* [*Pravda*], 7 June, p. 1.

Evtushenko, E. A. (1998) *Volchii pasport* [*Blacklist Passport*], Moscow: Vagrius.

Evtushenko, E. A. (1961) “Na mitinge v Gavane. Amerikanskoe kladbishche na Kube. Babii Yar” [“At the Havana Meeting, American Cemetery on Cuba, Baby Yar”], *Literaturnaia Gazeta* [*Literary Gazette*], 19 September.

Evtushenko, E. A. (1959) “Novye stikhi” [“The New Poems”], *Oktiabr*’ [*October*], 10, pp. 115–121.

Elkin, A. (1961) “Talant — ehto otvetstvennost’: Zametki o Vserossiiskom soveshchanii molodykh poehtov” [“Being Talanted Suggests Being Responsible: Notes on the All-Russian young poets’ counselling”], *Komsomol’skaya Pravda* [*Komsomol Pravda*], 4 October.

“Zayavlenie Snehga” [“Snag’s Declaration”] (1948) *Pravda* [*Pravda*], 27 June.

“K anglo-amerikanskim otnosheniyam” [“On English and American Relations”] (1948) *Pravda* [*Pravda*], 27 June, 29 May.

“Korennyye voprosy razvitiya sovetskoi muzyki” [“The Pivotal Questions of the Development of Soviet Music”] (1948) *Pravda* [*Pravda*], 24 March.

Kostyrchenko, G. V. (2003) *Tainaya politika Stalina. Vlast’ i antisemitizm* [*Stalin’s Secret Policy. Power and Antisemitism*], Moscow: International Relations.

Kuznetsov, A. V. (1991) *Babii Yar: Roman dokument* [*Baby Yar: The Document Novel*], Moscow: Soviet Writer-Olympus.

Markov, A. Ya. (1961) “Novye stikhi” [“The New Poems”], *Literatura i Zhizn*’ [*Literature and Life*], 24 September.

Maslin, N. N. (1948) “Velikii revolyutsionnyi demokrat. (K 100-letiyu so dnya smerti V. G. Belinskogo)” [The Great Revolutionary Democrat (For the 100th Anniversary of the Death of V. G. Belinsky)], *Pravda* [*Pravda*], 24 May.

“Materialy Chrezvychainoi gosudarstvennoi komissii po rassledovaniyu zlodeyarii nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov” [“The Materials of the Extraordinary Commission for the Investigation of German Nazi Occupants’ Atrocities”] (no date) Available at: <https://statearchive.ru/1185> (Accessed: 03 July 2024).

Match, O. (2017) *Zapiski russkoi amerikanki: semeinye khroniki i sluchainye vstrechi* [*The Notes of a Russian American: Family chronicles and sudden encounters*], Moscow: NLO.

“Napechatali, a chto potom?..” [“You posted it — and then what?..”] (1959) *Literatura i Zhizn*’ [*Literature and Life*], 23 September.

Narovchatov, S. S. (1959) “Protiv ‘radiolovykh’ stikhov” [“Against ‘Rhodiola’ Kind of Poetry”], *Literatura i Zhizn*’ [*Literature and Life*], 9 December.

Nakhmanovich, V. (2004) “Rasstrely i zakhoroneniya v raione Bab’ego Yara vo vremya nemetskoi okkupatsii g. Kieva 1941–1943. Problemy khronologii i topografii”

[“Mass Shootings and Burials Nearby Baby Yar since the Nazi Occupation of Kiev 1941–1943. Issues of Chronology and Topography”], in *Babii Yar: chelovek, vlast', istoriya. Dokumenty i materialy. V 5 kn. Kn. 1* [Baby Yar: Person, Power, History. Documents and Materials. In 5 vols. Vol. 1], Kiev: Vneshtorgizdat, pp. 84–163.

Nekrasov, V. P. (1959) “Pochemu ehto ne sdelano?” [“Why Hasn’t This Been Done Yet?”], *Literaturnaia Gazeta* [Literary Gazette], 10 October.

Nekhoroshev, Yu. S. “Evtushenko Evgenii Aleksandrovich” [“Evtushenko Eugeny Aleksandrovich”], in *Russkie sovetskie pisateli. Poehty. Biobibliograficheskii ukazatel'. Tom 7: E. Dolmatovskii — E. Evtushenko* [Russian Soviet Writers. Poets. Biographical and Bibliographical Index. Vol. 7: E. Dolmatovsky — E. Evtushenko]. Moscow: Kniga, pp. 347–483.

“Ob odnoi antipatrioticheskoi gruppe teatral'nykh kritikov” [“About One Anti-Party Group of Theatrical Critiques”] (1949) *Pravda* [Pravda], 28 January.

Polian, P. M. (2022) *Babii Yar: Refleksiya* [Baby Yar: Reflection]. Moscow: Zebra E.

Polian, P. M. (2021) “Shestoi etazh: perestrelka s antisemitami” [“The 6th Floor: Cross-fire with Antisemites”]. Available at: <https://lgz.ru/article/39-6802-29-09-2021/shestoy-etazh-perestrelka-s-antisemitami> (Accessed: 03 July 2024).

“Sovetskii Soyuz. Evrei v Sovetskom Soyuze v 1945–53 gg.” [“The USSR. The Jews in the USSR in 1945–1953”] (no date) Available at: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-in-ussr/15418/> (Accessed: 03 July 2024).

“Soobshchenie Ministerstva vnutrennikh del SSSR” [“The Declaration of the Soviet Ministry of Domestic Affairs”] (1953) *Pravda* [Pravda], 4 April.

Sofronov, A. V. (1948) “Za dal'neishchii pod'em sovetskoi dramaturgii” [“For the Further Rise of Soviet Drama”], *Pravda* [Pravda], 23 December.

Starikov, D. V. (1961) “Ob odnom stikhotvorenii” [“On One Poem”], *Literatura i Zhizn'* [Literature and Life], 27 September.

Turkov, A. M. (1959) “V pogone za deshevym uspekham” [“In Pursue of Cheap Success”], *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomol Pravda], 20 September.

Fateev, A. V. (1999) *Obraz vraga v sovetskoi propagande 1945–1954* [The Enemy Image in Soviet Propaganda of 1945–1954], Moscow.

Frezinskii, B. Ya. (2008) *Pisateli i sovetskie vozhd'i. Izbrannye syuzhety 1919–1960 godov* [Writers and the Soviet Leaders: Selected episodes of the years 1919–1960]. Moscow: Ellis Lak.

Tsvibel', D. G. (2008) *Ot Stantsii Zima k Bab'emu Yaru (Evreiskie obertony tvorchestva Evtushenko)* [From the Zima Station towards Baby Yar (Jewish Overtones in Evtushenko's Poetry)]. Petrozavodsk: PIN.

Chapchakhov, F. A. (1959) ““Okh, ehti lyudi odarennye!..”: O ‘novykh stikhakh’ Evg. Evtushenko” [“Oh My... All These Gifted People’: On the New Evtushenko's Poems”], *Don*, 10, pp. 181–185.

Shvarts, S. M. (1952) *Antisemitizm v Sovetskom Soyuze* [*Antisemitism in the USSR*], New-York: Publ. House named after Chekhov.

Sholokhov, M. A. (1961) “Rech’ tovarishcha M.A. Sholokhova (Pisatel’, rostovskaya partiinaya organizatsiya)” [“M. A. Sholokhov’s Speech (Writer, Rostov Party Organization)”], *Pravda* [*Pravda*], 25 October.

Информация об авторах:

Юрий Геваргисович Бит-Юнан — доктор филологических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Адрес: Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6; профессор кафедры управления культурной политикой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России (РАНХиГС). Адрес: Российская Федерация, 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 84, корп. 3.

Маргарита Романовна Нагорная — старший преподаватель кафедры деловой и политической журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Адрес: Российская Федерация, 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 84, стр. 1.

Information about the authors:

Yury G. Bit-Yunan — DSc in Philology, Professor of the Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities (RSUH). Address: 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; Professor of the Department of Cultural Policy Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 1 84 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation.

Margarita R. Nagornaya — Senior Lecturer of the Department of Business and Political Journalism, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 1 84 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2025;
принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 19.11.2024;
approved after reviewing 01.06.2025;
accepted for publication 10.06.2025.